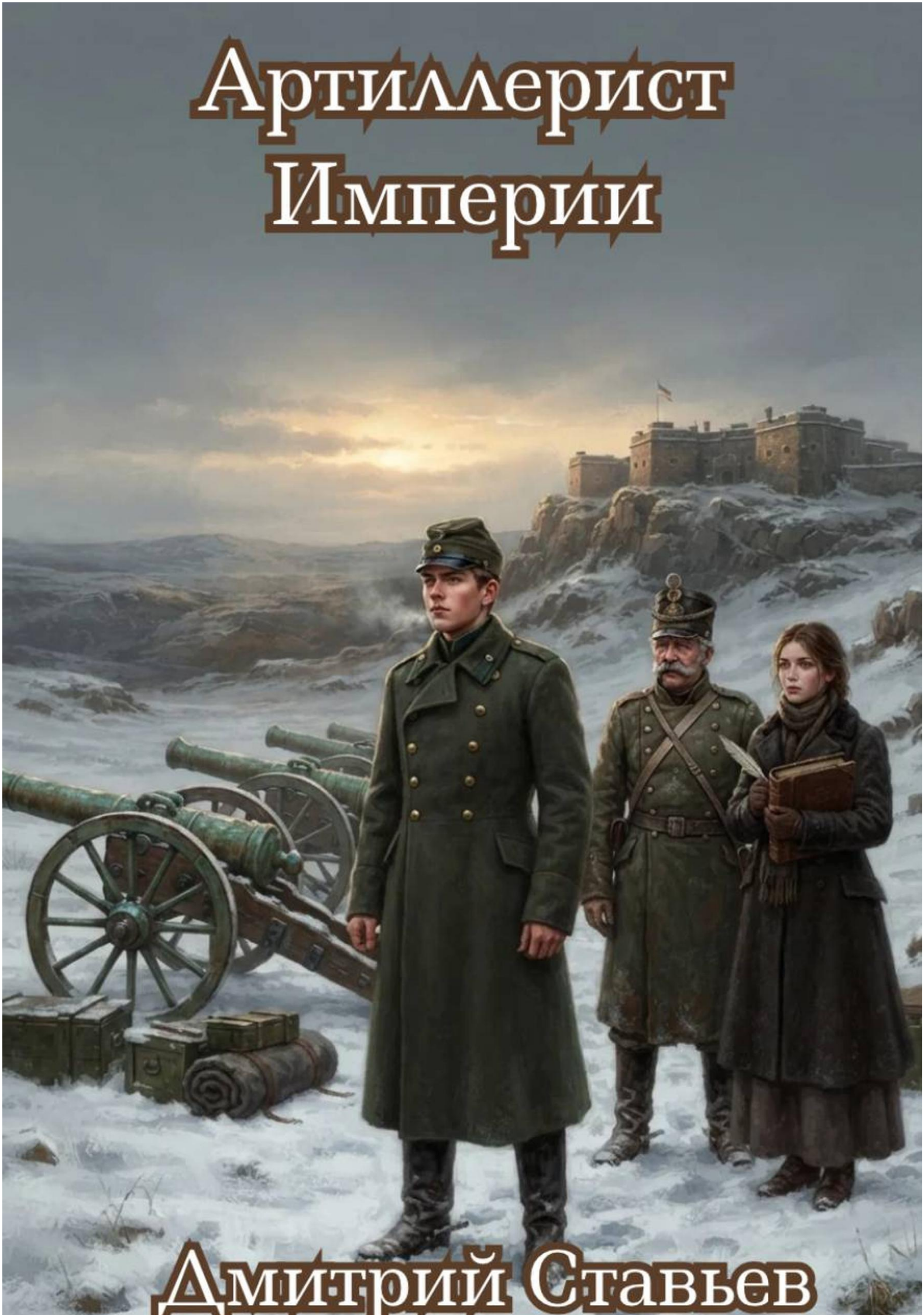
Артиллерист Империи

Дмитрий Ставьев

Дмитрий

Артиллерист Империи

«Автор»
2026

Дмитрий

Артиллерист Империи / Дмитрий — «Автор», 2026

Игорь Серов двадцать лет учил курсантов стрелять и умер на плацу под звуки выпускного салюта. Очнулся он в карете, под колючим одеялом, в теле штабс-капитана Фёдора Кречетова, преподавателя практической стрельбы артиллерийской школы, пережившего тиф.Империя восемьдесят четвёртого года. Школа теряет честь: орудия мажут, комиссия из министерства приедет через два месяца, а генерал не может объяснить почему. Старый фейерверкер шепчет, что дело не в наводчиках и не в погоде. Дело в снарядах: одни лёгкие, другие как гири, и все привозит один любезный поставщик, у которого двадцать лет друзья в каждой канцелярии.У нового Кречетова есть весы, тетрадь и привычка записывать. Против него купец с сахарным голосом, интендант с горелой описью и опасная подсказка: «Не усердствуйте».Сможет ли математик из другого века доказать, что пушка не терпит вранья, и успеть до того, как граница вспыхнет по-настоящему?

© Дмитрий, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Салют 6
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Дмитрий
Артиллерист Империи

АРТИЛЛЕРИСТ ИМПЕРИИ

Попаданец-артиллерист

Дмитрий Ставьев

© Дмитрий Ставьев, 2026. Все права защищены.

Все персонажи и события этой книги вымышлены. Любое сходство с реальными людьми, местами и событиями случайно.

Оглавление

Глава первая. Салют
Глава вторая. Фейерверкер Бабич
Глава третья. Весы
Глава четвёртая. Книга орудия
Глава пятая. Школа наводчиков
Глава шестая. Литейный завод
Глава седьмая. Склад
Глава восьмая. Следствие
Глава девятая. Состязание на Лужках
Глава десятая. Дорога на юг
Глава одиннадцатая. Орлиный Порог
Глава двенадцатая. Дуэль
Глава тринадцатая. Ночь предателя
Глава четырнадцатая. Книга стрельбы

Глава первая. Салют

Выпускной в военной академии всегда проходил одинаково: жара, оркестр, речи, фуражки в воздух. Подполковник запаса Игорь Андреевич Серов отстоял сорок минут в строю преподавателей, в тесном парадном кителе, на солнцепёке, и думал о том, что кафедра обязана выдавать зонтики.

Потом начался салют.

Учебная батарея, три орудия, стояла на краю плаца. Он знал каждую её царапину. Двадцать лет учил курсантов, как правильно закладывать, наводить, командовать. Орудия ударили залпом, холостыми. Гулкий хлопок прошёл по груди, ладони онемели, воздух пах горелой бумагой и жжёным маслом, и Серов подумал, что звук у пушки такой, какого не передаст ни одна запись.

В левой стороне груди что-то мягко, неторопливо сжалось.

«Надо было пройти диспансеризацию», — успел подумать он. Мысль показалась ему удивительно будничной. Потом плац ушёл вбок, оркестр затих, небо стало очень высоким и очень белым.

Салют прогремел второй раз, но он уже не слышал.

Потом его трясло.

Трясло долго, с хрустом и скрипом, с мерным чавканьем под колёсами. В нос лезли запахи: мокрая кожа, конский пот, дёготь, табак и сырое сукно. Он лежал на жёстком сиденье, укрытый чем-то тяжёлым и колючим, и сквозь веки пробивался серый, унылый свет.

— Ваше благородие, проснулись? — произнёс над ним хриплый, обеспокоенный голос. — А я уж думал, опять сомлели. Как тогда, в госпитале.

Игорь открыл глаза.

Напротив, на другой лавке, сидел круглолицый солдат лет двадцати пяти, в шинели нараспашку, с оттопыренными ушами и красным от холода носом. На коленях он держал кожаный саквояж. За окошком кареты тянулись мокрые поля, чёрные ёлки и ленивая рябь дождя на лужах.

— Где мы? — спросил Игорь. Голос вышел не его: выше, суше, моложе.

— Под Петербургом, ваше благородие. Через полчаса будем на Выборгской. — Солдат подался вперёд. — Вы не помните? Нас доктор отпустил из госпиталя. Полтора месяца вы там пролежали. Тиф.

— Тиф?

— Как есть. Горячка. Три недели без памяти. Я с вами сидел, ваше благородие. Евсей я. Денщик ваш. Евсей Ляпин. Неужто забыли?

«Тиф, — подумал Игорь. — Потеря памяти. Прекрасно».

— Забыл, — сказал он. — Немного. После болезни.

— Оно и понятно, — закивал Евсей. — Доктор говорил, что поначалу могут путаться. Но вы не беспокойтесь, я всё помню. Я вам, ежели что, подскажу.

Игорь сел. Голова закружилась и встала на место. Руки, выглянувшие из-под колючего одеяла, оказались чужими: узкие, длиннопалые, с тонкими запястьями и аккуратно подстриженными ногтями. Руки математика, а не артиллериста. На левом мизинце он нащупал небольшой шрам, на правом, чернильное пятно, въевшееся в кожу.

Он сосчитал пульс. Восемьдесят два. Для человека, который только что умер, показатель неплохой.

На груди под шинелью висел тяжёлый серебряный жетон, и на нём было выбито: «Шт.-кап. Ф. А. Кречетов. Арт. школа». В кармане лежали карманные часы на цепочке, записная

книжка и носовой платок. На форзаце книжки чётким, ровным почерком значилось: «Кречетов Фёдор Аристархович. Преподаватель практической стрельбы».

«Практической стрельбы, — отметил Игорь. — Это уже повезло».

В остальном всё было как обычно у людей, которых только что перебросило в другое время: паника, любопытство, лёгкая тошнота и странное, почти научное желание всё записать. Он давно приучил себя к одному: если ситуация непонятна, начинай с измерений. Пульс. Дыхание. Дата. Место. Должность. Выводы потом.

— Евсей. Какое сегодня число?

— Двадцать третье сентября, ваше благородие.

— Год?

Денщик вытаращил глаза.

— Помилуйте, ваше благородие... Восемьдесят четвёртый.

Игорь кивнул. Год он не знал. Но «восемьдесят четвёртый» вместе с шинелями, с каретой, с тифом и со словом «фейерверкер», которое он услышит позже, ложился в картину так точно, что спрашивать дальше не требовалось.

Карета свернула, по крыше забарабанили капли. Они ехали по узкой улице вдоль красных кирпичных стен. За оградой виднелись приземистые постройки с плоскими крышами, плац, на котором в лужах отражалось серое небо, и длинный ряд зелёных, облупленных артиллерийских орудий. Над плацем висел флаг. Игорь смотрел на всё это жадно, не отрываясь, как человек, увидевший родной дом, которого нет, и вдруг понял, что у него дрожат руки.

— Вот и школа, — сказал Евсей. — Здравствуй, голубушка.

У ворот их ждал офицер с мокрыми усами, в плаще с капюшоном, и встретил Игоря таким взглядом, будто увидел призрак.

— Кречетов?! Живой?

— Выходит, живой.

— Так-с! — раздалось из-за его плеча. Голос был густой, рокочущий, как гул далёкого орудия. — Живой, значит. Тем лучше. Вы мне нужны, господин штабс-капитан. Немедленно. Садитесь в мою коляску.

Из-за офицера вышел генерал. Невысокий, широкоплечий, лет шестидесяти пяти, с седыми, как снег, усами, тяжёлым подбородком и глазами цвета старого железа. Он был без шинели, под дождём, с непокрытой головой, и от него пахло мокрой шерстью и дымом. На плечах золотились узкие генеральские погоны.

— Ваше превосходительство, он только что из госпиталя...

— Тем более, — оборвал генерал. — Голова свежая. Садитесь, Кречетов. Едем на полигон.

Через двадцать минут они стояли на Лужках, огромном, плоском, продуваемом поле за Ржавой Заводью. Дождь прекратился. Над землёй стелился сырой, молочный туман. Вдалеке, у дальней кромки, темнели деревянные щиты мишеней, а на передней линии, на утоптанной грязи, стояли в ряд шесть орудий с расчётами.

Игорь, глядя на них, ощутил то, что ощущал всю жизнь, когда видел хорошую артиллерию: холодную, почти радостную собранность. Орудия были старые, но ухоженные. Расчёты стояли в строю, как положено. Командовал батареей высокий, красивый, самоуверенный капитан с чёрными усами и орлиным носом, от которого за версту несло превосходством.

— Тугаринов, — сказал генерал. — Лучший стрелок школы. Сейчас вы увидите, господин Кречетов, как мы стреляем. И потом скажете, что думаете.

— Слушаюсь.

Началась стрельба.

Первое орудие ударило, и сквозь туман, спустя несколько секунд, по ту сторону поля раздался глухой, мокрый шлепок. Снаряд лёг далеко от щита, в болото. Второй упал в сторону.

Третий, слишком близко, взметнул столб серой грязи. Четвёртый перелетел цель и растворился в тумане.

Игорь стоял, засунув руки в карманы шинели, и считал. Интервалы между выстрелами. Положение стволов. Работу наводчиков. Дальше смотрел, как у третьего орудия прислуга, в спешке, дёрнула прицельную планку, как у шестого забыли протереть канал, как старший офицер в панике кричал одну команду, а сержант повторял другую.

И слушал.

Пятый снаряд летел странно. Не так, как остальные. С тонким, надтреснутым, чуть дребезжащим свистом, будто кто-то разгонял над полем деревянную палку. Он упал в стороне от всех, у самой кромки леса.

Игорь вынул из кармана карманные часы, посмотрел на циферблат, снова спрятал.

— Ну? — раздался голос генерала. — Что скажете?

— Это не наводчики, ваше превосходительство.

— Не наводчики?

— Они делают ошибки, конечно. Но ошибки у всех разные. А вот снаряды... — Он помедлил, подбирая слова. — Снаряды летят не одинаково. Один свистит чисто. Другой дребезжит. Третий падает ближе, чем должен. Это не стрелок. Это что-то другое.

Генерал медленно повернул голову. Лицо у него было каменное, но в железных глазах мелькнуло что-то, чего Игорь пока не мог прочесть.

— Тугаринов, — сказал генерал не оборачиваясь. — Прекратить огонь.

Орудия смолкли. В поле стало тихо, только ветер шуршал в траве, где-то каркала ворона, и от орудий в мокрый воздух поднималась тонкая вонь серы и тухлых яиц.

— Вы, Кречетов, всегда были математиком, — произнёс генерал. — Лучшим в школе. Но у вас никогда не хватало духа говорить вслух. Я рад, что тиф вас переменил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.